КАПИТАНША.

Горемычное житье военнымъ барынямъ, да зато и пребойкія особы изъ нихъ удаются, истинно боевыя и военныя! Иныя даже службу фронтовую до послѣдней тонкости понимаютъ, знаютъ и шагъ, и выносъ ноги, и всѣ ружейные пріемы и постройки; порицая, по истинной справедливости, тѣхъ гг. офицеровъ, у которыхъ, по неопытности ихъ или по какому–то прирожденному недостатку, командныя слова ровно съ полки срываются; онѣ, напротивъ, знаютъ наперечетъ всѣхъ прилично–голосистыхъ сыновъ отечества по цѣлому корпусу, и для отдыха послѣ обиходныхъ, мелочныхъ дрязговъ скудельной жизни своей, съ большимъ удовольствіемъ развлекаются бесѣдой о томъ, какъ кто себя велъ и держалъ на послѣднемъ смотру или ученьи…

А стоянки, а переходы, вслѣдъ за мужьями, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, изъ мѣстечка въ городишко, а изъ городишка въ мѣстечко? Походная бричка, крытая, съ приправленными фартуками, обитая либо подкладочнымъ холстомъ, либо толстымъ зеленымъ сукномъ, иногда даже, для красы, съ красными выпушками? Въ брыку эту впрягается пара коней, можетъ–быть, нѣкогда строевыхъ, обращенныхъ потомъ въ подъемныхъ, а наконецъ выранжированныхъ — пара коней этихъ, съ которыми здоровается мимоходомъ весь полкъ, называя ихъ по кличкѣ, васькой и мухортымъ, пыхтятъ и тащатъ весь домашній скарбъ семьи, состоящій изъ семи или десяти душъ; самихъ душъ этихъ я ужъ и не кладу въ счетъ, чтобъ не пугать ваську съ мухортымъ, но и души всѣ тутъ же на лицо, при своемъ добрѣ.... Переходъ за переходомъ, и притомъ шагъ за шагомъ, ковчегъ этотъ переваливается отъ привала къ ночлегу, а отъ ночлега на дневку, и опять на привалъ; походная семья до того

обжилась съ чужимъ хозяйствомъ, что и не замѣчаетъ недостатка своего; хозяйская кочерга и ухватъ любой избы какъ–будто старые знакомые военной семьи, и самыя дѣтки даже привыкаютъ называть *домомъ своимъ* тотъ уголъ, въ которомъ прійдется на этотъ разъ переночевать…

Прибывъ на мѣсто стоянки, располагаются пошире, требуютъ отъ хозяина разной утвари на подержаніе, устраиваютъ жилье на скорую руку, какъ Богъ велѣлъ, и за тѣмъ спѣшатъ вытеребить помятые чепцы и отдать честь командиршѣ. Съ ровнями мы рѣдко знаемся; тутъ либо мы сами, либо мужья наши въ размолвкѣ, которая прикрывается развѣ однимъ только чинопочитаніемъ. Отдавъ этотъ долгъ природѣ, мы забираемъ сподручныя свѣдѣнія о сосѣдяхъ, о помѣщикахъ, и если удается намъ свести какое–нибудь мѣстное знакомство, то оно прибавляетъ изрѣдка пеструю страничку въ однообразную, строевую жизнь нашу…

На границѣ Бессарабіи, въ такъ–называемомъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ и самъ

панъ, довольно–хлѣбосольный семьянинъ, стояла частичка полка, то–есть рота, съ капитаномъ своимъ. Полковникъ, молодой и веселый волокита, недавно переведенный изъ гвардіи, сталъ частенько навѣщать, по службѣ, эту роту, съ–тѣхъ–поръ, какъ побывалъ въ домѣ пана и вглядѣлся хорошенько въ молодую, прелестную хозяйку, которая была еще тѣмъ милѣе, что у мужа ея погреба славились своими винами, а въ особенности венгерскимъ. У каждаго свой вкусъ, и полковникъ находилъ, что венгерское даже и по себѣ, а тѣмъ болѣе при содѣйствіи такой милой хозяйки, пить очень–можно.

Итакъ, полковникъ опять пріѣхалъ и, кончивъ очень–скоро, по вѣрному глазу и опытности своей, пригонку амуниціи, отправился къ пану, и, разумѣется, былъ приглашенъ къ обѣду на рюмку венгерскаго, вмѣстѣ съ частію наличнаго штаба своего и съ ротнымъ командиромъ.

Ротная командирша, ожидая возвращенія мужа, сидѣла подъ раскрытымъ окномъ и дышала на вѣтеръ.

Жара смертная; молдаванское солнце парило такъ, что собакамъ было лѣнь лаять на прохожихъ и даже воробьи молчали. Нянька съ дѣтьми уснула, но капитаншу разсердили мухи и она рѣшилась высидѣть полудникъ свой подъ окномъ, обмахиваться и глядѣть черезъ палисадникъ на улицу, то–есть, на раскаленный песокъ и голые каменья при–днѣстровской почвы.

Среди этой торжественной тишины и безмолвія на улицахъ, издали послышался глухой стукъ и какой–то вялый голосъ. Вотъ и развлеченье! Она, капитанша наша, стала прислушиваться, тщетно попытавшись выглянуть преждевременно изъ окна, гдѣ застила густая вишня: почему капитанша и не могла ничего разсмотрѣть. Въ это время, вошелъ деньщикъ съ ножомъ и сапожнымъ молоткомъ, собираясь на досугѣ наколоть къ вечеру сахару. «Иванъ», сказала барыня: «послушай, что это такое? Никакъ кто–то ѣдетъ?» Иванъ слегка прислушался, не сходя съ своего мѣста, и отвѣчалъ спокойно: — Это, сударыня, бричка

Алексѣя Кирилыча — и прибавилъ: сахаръ колоть прикажете?

— Алексѣя Кирилыча! Такъ выйдь лучше, да погляди; стало–быть, это къ намъ. А я, Боже мой! не–ужь–ли они теперь къ обѣду ѣдутъ? Не можетъ быть! Скорѣе же, Иванъ, да кофе надо сейчасъ готовить.... Вздумали–таки наконецъ пріѣхать, а долго не рѣшались...

Алексѣй Кириловичъ былъ женатый капитанъ другой роты, которая стояла верстахъ въ двадцати. Опытное ухо Ивана не ошиблось; бричка была точно Алексѣя Кириловича. Пара тощихъ клячъ, именно васька и мухортый, тащили ее походнымъ шагомъ. Понуривъ головы, они волокли эту колесницу, и деньщику Аркадію, добряку, но неописанному болвану, стоило большаго труда не дать васькѣ съ мухортымъ уснуть надъ своей работой. Походная бричка, въ видѣ фургона, была застегнута и закупорена отъ пыли кругомъ. Опытный путникъ легко разсудитъ, каково въ ней было сидѣть подъ этимъ тропическимъ солнцемъ; наша капитанша, глядя спокойно

изъ окна на укутанную со всѣхъ сторонъ бричку, отерла себѣ потъ съ лица. Аркадій уговаривалъ лошадей прирысить немного, увѣряя ихъ, что вотъ уже пріѣхали, но онѣ отвѣчали на это, потряхивая дружно головами и продолжая выступать мѣрнымъ гусинымъ шагомъ.

Между–тѣмъ, хозяйка уже вскочила и въ два или три темпа надѣла на голову другой, запасный чепецъ и накинула болѣе–благовидный платокъ. Возвратившись въ ту же минуту, она спѣшила на встрѣчу гостямъ своимъ и чуть не обняла, съ пріятной улыбкой, Ивана, вошедшаго въ это время въ дверь. «Что же?» спросила она. — Да не знаю, сударыня, никакъ мимо, не къ намъ. — «Какъ же такъ? что это значитъ?» — Не знаю; да, видно, можетъ–статься, то–есть, не порожняя ли бричка–то, не въ починку ли, что ли, ее привезли; вотъ я погляжу... Но сильный стукъ и брякъ съ громкими восклицаніями раздался въ это время внезапно съ противной стороны; бричка катилась обратно, прыгая по песку съ

камня на камень, и на этотъ разъ уже мчалась подъ–гору крупною рысью, такъ–что васька съ мухортымъ поперемѣнно даже сбивались на меть, а немилосердый Аркадій все еще стегалъ ихъ и понукалъ. Подкативъ прямо подъ крыльцо нашей капитанши (мы эту будемъ называть нашею, а ту чужою), бричка остановилась; Аркадій слѣзъ, ворча вслухъ: вотъ, не въ добрый часъ Господь понесъ; эка, подумаешь, притча... и согнали со двора!... За тѣмъ онъ принялся отстегивать запоны и высаживать, во–первыхъ, капитаншу; во–вторыхъ, сестру ея; въ–третьихъ, сынка, тамъ дочку, и еще сына, и такъ далѣе; высадивъ же, наконецъ, семилѣтнюю, босую няньку, бывшій фурлейтъ, а нынѣшній деньщикъ, всунулъ голову въ пустую бричку и спросилъ: «ну, что? всѣ ли? аль еще кто есть? не потерять бы кого, бѣда!»

Чужая капитанша и весь причетъ ея перецаловались съ нашею и усѣлись съ разсказами. Наша осматривала гостей своихъ, не понимая, что все это значитъ: а

что–нибудь не даромъ, что–нибудь да есть! И гостья, и сестра ея, одѣты не такъ, какъ одѣваются къ своей сестрѣ капитаншѣ: на первой было даже извѣстное шелковое, бурое платье; даже дѣтки всѣ были вычесаны и умыты. Хозяйка смалчивала, однакоже, до времени, зная уже, что Иванъ, во всякомъ случаѣ, узнаетъ отъ Аркадія все, что нужно. Подали кофе, послѣ непродолжительнаго стукотка въ сосѣдней комнатѣ, за которымъ слѣдовалъ знакомый шорохъ, при ссыпкѣ колотаго сахара въ жестянку. Разговоръ, по военному обычаю, не долго держался общихъ мѣстъ и перешелъ въ частную бесѣду и личности о начальникахъ, о томъ, кто что сказалъ и кто что на это отвѣчалъ, и что потомъ изъ этого вышло. Вдругъ дверь растворилась, и вошелъ нашъ капитанъ.

Поздоровавшись съ гостями и сказавъ, что–де слава–Богу, обѣдъ кончился, мочи нѣтъ терпѣть въ эту жару — онъ во все время какъ–то посмѣивался и улыбался, поглядывая замысловато на свою гостью.

Слово–за–словомъ, и она, смекнувъ, что тутъ уже скрывать было нечего, созналась въ какомъ–то замѣшательствѣ, что собралась–было съ первымъ визитомъ къ помѣщику, запоздала немного, и потому пріѣхала, какъ видно, не во–время, не подозрѣвая, впрочемъ, чтобы самъ полковникъ былъ тутъ... Дѣло заключалось вотъ въ чемъ:

Бричка съ капитаншей вкатила во дворъ пана, когда этотъ, съ полковникомъ и другими гостями своими, сидѣлъ еще за обѣдомъ, который, впрочемъ, подходилъ къ концу, и потому венгерское уже сдѣлало свое дѣло. Обѣдали подъ широкимъ навѣсомъ, который придѣланъ былъ къ дому во всю длину его. Кто–то оглянулся и сказалъ тутъ полковнику: «а, вотъ и экипажъ вашъ пріѣхалъ!» Полковникъ, который вовсе не былъ еще расположенъ разстаться съ милою хозяйкою, подлѣ которой сидѣлъ, и съ венгерскимъ, стоявшимъ подлѣ него, вскочилъ, расходившись, со стола, и, не посмотрѣвъ вовсе, кто такой взъѣхалъ на дворъ,

закричалъ зычнымъ голосомъ своимъ: «Куда васъ чортъ несетъ! убирайтесь!»

Аркадій, подобравъ мигомъ возжи, поворотилъ оглобли и помчался во весь опоръ со двора. Получивъ такое приказаніе полковника, онъ не считалъ нужнымъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій своего непосредственнаго начальства; а такъ–какъ ему приказано, по сдачѣ клади въ усадьбѣ, искать пріюта для лошадей у нашего капитана, то онъ, при такихъ обстоятельствахъ, и прикатилъ прямо къ нему подъ крыльцо. Тутъ полковникъ согналъ со двора, думалъ онъ, такъ ужъ намъ, на чужой сторонѣ, больше некуда дѣваться, какъ не къ своимъ.

Разъясненіе этой загадки, по какому поводу, то–есть, послѣдовало такое незаслуженное, позорное изгнаніе чужой капитанши съ панскаго двора, нѣсколько успокоило разобиженную командиршу роты, которая — не рота, то–есть, а капитанша — въ–самомъ–дѣлѣ поставлена была въ довольно затруднительное положеніе. Она сдѣлалась необычайно–

любезною и милою въ обращеніи съ нашей капитаншей, которая, соболѣзнуя о такомъ непріятномъ случаѣ, и радуясь, какъ увѣряла, что онъ доставилъ ей удовольствіе принять у себя сослуживку, въ–самомъ–дѣлѣ, не печалилась ни о чемъ, а радовалась — только не тому, а доброму уроку, который чужая капитанша получила за то, что отправляется къ помѣщикамъ на первый визитъ съ такимъ нагруженнымъ рыдваномъ, съ чадами и домочадцами и семилѣтней нянькой...